

Тема 4 Традиционная культура кубанского казачества и адыгейских племен в контексте полиэтничности Кубани.

Учебные вопросы:

1. Традиционная культура кубанского казачества.
2. Традиционная культура адыгейских племен

Вопрос 1

Культура и быт черноморских казаков в первые несколько десятилетий после переселения развивались в русле традиций, бытовавших еще в Запорожской Сечи. Свои поселения, сначала называвшиеся куренями, черноморцы устраивали вдоль берегов рек на землях, удобных для земледелия и особенно для скотоводства. На первых порах было основано 40 куреней, в каждом из которых имелось от 30 до 80 дворов.

Застройка населенных пунктов с самого начала производилась по определенному плану: в центре куреня располагалась площадь, улицы были широкими и прямыми. Одной из задач первопоселенцев было поддержание безопасности границ империи, поэтому при устройстве поселений приходилось принимать во внимание постоянную угрозу вторжения со стороны закубанских горцев. Курени были окружены оборонительными сооружениями (рвы, валы и т. д.), в которых имелось несколько охранявшихся караулом ворот.

В первые годы после переселения жилища черноморских казаков носили временный характер и представляли собой землянки и полуземлянки. Однако по мере обустройства территории (обычно по прошествии нескольких лет) поселенцы, запасшись строительными материалами, сооружали постоянные жилища. В их облике нашли отражение черты, свойственные жилым постройкам населения Украины и Южной России.

Черноморский курень изначально представлял собой ряд тонкостенных (часто плетневых) строений наподобие украинских хат, обмазанных глиной и крытых камышом или соломой. Хозяйственные постройки (в основном для скота) возводились рядом с жилым домом.

Практически в одно время с черноморскими куренями возникали поселения линейных казаков, называвшиеся станицами. Они были крупнее черноморских куреней: уже при основании в них поселялись от 150 до 350 семей казаков. Строились станицы так же, как и курени Черномории. В жилищах линейцев отчетливо прослеживались черты, характерные для традиционной архитектуры донских казаков и жителей других районов Юга России.

Наряду с основными поселениями казаков начали возникать временные: хутора, зимовники и коши (впоследствии и они стали постоянными). Здесь казаки держали скот и жили сами. Наибольшее количество хуторов насчитывалось в Черномории, так как ведение хуторского хозяйства было традиционным для Украины.

Одежда черноморцев имела выраженные украинские черты. Основными элементами мужского костюма были рубаша с прямым разрезом ворота и штаны-шаровары. Рубаша доходила почти до колен, ее рукава были прямыми, под мышки вшивалась прямоугольная вставка - ластовица. Этот тип рубашки был известен на Украине и распространен по всей Кубани. В одежде линейных казаков проявилось южнорусское влияние.

Рабочей обувью всем жителям Кубани служили башмаки из грубой сыромятной кожи с пришивной подошвой. Сапоги в конце XVIII в. носили только зажиточные представители казачьей старшины.

Основу женского костюма также составляла рубаша, являвшаяся как нательной, так и верхней одеждой. На рубашу надевалась юбка, ношение которой было более характерно для украинцев и белорусов, чем для русских.

Обстоятельства военного времени и суровые бытовые условия на первых порах затрудняли развитие семейных отношений у черноморских казаков. На Кубань переселялись в основном холостые мужчины или же небольшие семьи, и женщин было значительно меньше, чем мужчин. Так, в 1801 г. на 100 мужчин в Черномории приходилось всего 39 женщин. Нередко казаки брали в жены пленных горянок.

Главенствующей формой семейной организации у черноморцев была так называемая «малая семья», состоявшая из двух – четырех человек (родители и дети). Это объясняется тем, что в тех районах Украины, откуда переселялись на Кубань казаки, в XVIII в. господствовал именно этот тип семьи.

Главой семьи считался супруг, являвшийся распорядителем всего движимого и недвижимого имущества. В казачьих семьях свое полное проявление находили патриархальные нравы. Воля старших была законом для всех членов семьи.

Несмотря на сложные условия и бытовую неустроенность, на первых порах характерную для жизни переселенцев, они по мере сил старались заложить основания духовной культуры. Так, первая официальная школа была открыта в Екатеринодаре уже в 1803 г.

В 1792 г. была открыта первая страница в истории кубанской литературы. В августе этого года войсковой судья Антон Головатый по дороге из Петербурга сочинил ставшую впоследствии знаменитой «Песнь Черноморского войска» - «Ой, годы нам журытыся, пора перестаты...».

Духовное наследие кубанского казачества было самобытным и оригинальным. Оно совмещало южнорусскую и украинскую традиции. Характеризуя кубанских казаков, дореволюционные источники

сообщали: «Отличаются трудолюбием, честностью, общительностью, но лучшая черта у них - радушие в принятии странных»; «характера преимущественно тихого и доброго, склонны более к храбрости в военных действиях и джигитовке».

Все заметные события духовной жизни кубанских казаков были так или иначе связаны с православной верой. Напутственным молебном кубанцев провожали на службу и благодарственным - встречали. Возвращаясь со службы, казаки складывались и обязательно покупали подарок для церкви. Екатеринодарские храмы были полны таких даров. Православие делило календарное время на трудовое и празднично-ритуальное, определяя тем самым ритм жизни. «Знают [казаки] о происхождении религии от Иисуса Христа, - говорилось в одном из старых документов. - Некоторые знают о Вселенских соборах. Многие понимают и знают значение Вечерни, Утрени и Литургии. Прекрасно и со вниманием читают молитвы не только пожилые, но и малолетки, как, например: Царю небесный, Отче наш, Верую и Помилуй мя, Боже, и прочие».

Хранителями обычаев выступали старики. Не занимая никаких официальных должностей, они всегда играли огромную роль в формировании общественного мнения. Без разрешения стариков не садился даже атаман, при них казаки строевых возрастов стояли по стойке «смирно», нестроевых возрастов и без формы - сняв шапки. К старшим обращались только «на вы». Благодаря устной традиции передачи информации от деда к отцу, от отца к сыну кубанцы сохраняли свою культуру. Так же поступали казаки, когда хотели сохранить память о каком-нибудь знаменательном событии своей истории. На войсковые празднества, сходы и другие важные мероприятия, проходившие в Екатеринодаре, непременно приглашали смысленных мальчиков от всех казачьих поселений края, по два-три человека от каждого, с тем чтобы эти события были запечатлены в их детском сознании. Со временем эти мальчики становились отцами и передавали все увиденное своим детям. Те впоследствии доносили услышанное до своих детей. Так и ковалась эта живая цепочка казачьей истории и культуры.

Семейные праздники и обряды имели большое общественное значение и служили своего рода демонстрацией того, как семья выполняет свои обязанности перед казачьей общиной. Большинство свадеб справляли осенью, после окончания жатвы. Казак старался сам себе отыскать невесту – ровню по социальному и материальному положению. Но до революции без воли родителей женились редко. Перед тем как начать сватовство, интересовались материальным достатком и репутацией семьи невесты, возрастом и трудолюбием девушки. Один из современников писал, что родители «по косточкам разберут будущую родню: восходящую до прадедушки с бабушкой и боковую до троюродной тетки и дяди, не только в нравственном, но и в физическом отношении». Юношу старались женить до военной службы, в возрасте 18-19 лет, девушек выдавали замуж в 17 - 18 лет. Сватовство было длительной и сложной процедурой, служило основным испытанием для жениха. Поэтому в «старосты» (сваты) жених старался взять человека побойчее, поязыкастее. «Старосты» шли к дому невесты вечером, стараясь не привлекать внимания, чтобы «не сглазили». Но обычно всей улице уже было известно, куда они идут. После положительного ответа родителей девушка разрезала принесенный сватами каравай хлеба, символически отделяя себя от родной семьи. Родители при этом говорили: «Тэпэр ты, дочка, ны наша. Будэтэ приходить к нам тико в гости». Возвращались сваты не таясь, громко распевая песни, чтобы все знали, что сватовство удалось.

Хозяйственное благополучие молодых было едва ли не главной заботой старшего поколения. Поэтому, не полагаясь на слово сватов и родни жениха, родители невесты ходили на «разглядьны»: своими глазами посмотреть на дом жениха и решить, хорошо ли в нем будет новой хозяйке. Самыми насыщенными перед свадьбой были последние три-четыре дня. Но здесь не было беготни, суеты, нервного напряжения. Веками было отшлифовано время совершения того или иного обряда: в среду-четверг пекли свадебные хлебы, в пятницу невеста со старшей дружкой, обычно лучшей подругой, шла приглашать гостей на свадьбу, в субботу устраивалась «вэчэрынка». Предсвадебный день также определялся обычаем нести жениху сшитую невестой рубашку, которую придирчиво осматривали мать и сестры жениха. Это был как бы последний хозяйственный экзамен будущей жене.

День свадьбы начинался, едва занималась заря. Сидя возле окна, девушка причитала, оплакивая свою девичью жизнь. Дружки начинали готовить невесту к приезду жениха, «плоили» волосы, выпуская на лоб мелкие кудри, заплетали косу, покрывали волосы фатой. Невесту наряжали в «парочку» – юбку и кофту светлых тонов, с мелким рисунком – либо в розовое, голубое или бежевое платье. Все приготовления заканчивались, когда за окном слышались выстрелы, топот коней, звон колокольчиков и во двор въезжали всадники в казачьей форме и тройки, украшенные лентами и цветами. Начиналось одно из самых напряженных свадебных представлений - выкуп невесты. Затем невесту благословляли иконой и хлебом, дружок связывал руки жениха и невесты платочком и выводил их за ворота к повозке – ехать к венцу. И в церкви во время венчания надо было не забыть соблюсти обычая.

После венчания вся свадьба направлялась в дом жениха, где гостей ждали накрытые столы. Заслышав издали звон бубенцов, мать и отец жениха с хлебом-солью и иконой выходили на порог. После того как молодых осыпали конфетами, хмелем и мелкими деньгами, которые тут же бросались ловить и подбирать ребята и все присутствующие, они становились на вывернутую мехом наружу шубу и принимали от родителей хлеб-соль. Благословив их, отец с матерью приглашали гостей за стол.

По обычаю свадебный стол накрывался в двух домах – у жениха и невесты. За ним могли присутствовать только женатые люди. Сначала подавали пирожки с творогом, которые ели, макая в сметану, затем появлялись борщ, лапша, жареное или тушеное мясо, молочные каши и пироги. На столы ставилась закуска: заливная и маринованная рыба, фаршированный сладкий перец, селедка и холодное.

Особой любовью у кубанцев пользовалась рыба. Казаки знали, какая рыба в каком виде наиболее вкусна, поэтому сома варили, красную рыбу, шамайку и рыбца солили, и, конечно же, стол богат был жареной рыбой. Своеобразным показателем достатка в доме было присутствие на столе сала. Если не было сала, то про такого хозяина говорили: «Це бедный». А если было много: «Там сало було, та в четверть утовщкы!» В соседстве находились самовар, графины вишневки и чекушки водки. Вишневку готовили сами, а водку покупали. Казаки не были пьяницами: замеченных в пьянстве и дебоше на первый раз предупреждали, а если проступок повторялся, виновного пороли при всем сходе, и он надолго лишался уважения.

«На покой» молодых провожали песнями, шутливыми пожеланиями. У невесты был уже другой головной убор: закрученные на затылке в тугий узел волосы, спрятанные в шлычку – символ замужней женщины. При надевании шлычки невеста по традиции трижды снимала ее и бросала на пол, как бы в последний раз сопротивляясь замужеству, а затем уже «покорялась». Второй день свадьбы начинался с проверки «честности» невесты: гостям выносили и показывали простыню, на которой спали молодые, или рубаху молодой. Всенародное оглашение «честности» или «нечестности» невесты было вызвано необходимостью – заботой казачьего общества о нравственном здоровье семьи, являлось стимулом для подрастающих невест, которые должны были стремиться заслужить уважение подруг, родителей, стариков. «Честную» невесту наряжали утром в красное платье, гостям ставили вареники с калиной, прикрепляли им на одежду цветы. Но уж если уличали молодую в «нечестности», позор падал на головы ее родителей. Им преподносили соленый, перченый кабак, чуть припеченный в печи, надевали хомут и гоняли по улицам, стегали арапником на глазах у всех.

После проверки начиналось застолье, но уже у родителей невесты. Положено было бить горшки на животе у свекрови, катать в корыте родителей жениха, сваливать их в речку, затем купать и переодевать в специально купленное белье посмешнее: длинные портки, ночные рубашки. Доставалось и гостям: у них «кralи» кур, замазывали ночью окна известью, качали на ряднине. Но во всем этом не было ничего оскорбительного, бессмысленного, не направленного на будущее благо человека и общества. Старинные обряды намечали и закрепляли новые связи, налагали на людей социальные обязанности. Глубоким смыслом были наполнены специальные песни, отдельные слова, предметы, одежда. Полновластными хозяевами второго дня свадьбы становились ряженые. Рядились в жениха и невесту, рыбаков, цыган, животных, выворачивали наизнанку одежду, привешивали на подол колокольчики. Заканчивалась свадьба тем, что ряженые, наловив кур по дворам участников гулянья, варили на костре куриную лапшу. Это называлось «тушить свадьбу».

Общественное значение имели и другие обряды жизненного цикла: родильный, имянаречения, крестины, проводы на службу, похороны.

Вопрос 2

Несмотря на наличие общего самоназвания, адыгский этнос включал в себя в рассматриваемый период более полутора десятков различных племен, самыми многочисленными из которых были шапсуги, абадзехи и натухайны.

Характер поселений адыгов во многом зависел от рельефа местности. Так, наибольшей компактностью отличались равнинные аулы, имевшие в плане вид квадрата или круга. Жилые строения сооружались по периметру поселения, их фасады были обращены внутрь. В центре селения находились площадь для скота, колодцы и ямы для хранения зерна. В аулах имелись кузницы, рынки. Селение, как правило, было обнесено оградой из нескольких рядов плетня, пространство между которыми заполнялось землей. В оборонительных целях также возводились и сторожевые башни, располагавшиеся обычно на противоположных сторонах аула.

Горные и предгорные аулы резко отличались по планировке от равнинных, представляя собой совокупность усадеб, расположенных по берегам рек, порой на большом расстоянии друг от друга. Основывались адыгами и хутора, размещавшиеся в верховьях рек и труднодоступных горных ущельях. Такие хутора нередко населялись членами одной семьи.

Адыгская усадьба состояла из дома главы семьи, стоявшего в центре, и домов женатых сыновей, располагавшихся отдельно. Все хозяйственные постройки (амбары, курятники и пр.) размещались по периметру усадьбы (как правило, у забора). Отдельный двор устраивался для лошадей и скота.

Жилище адыгов изначально было однокамерным, то есть состояло из одной комнаты. Позднее планировка усложнилась, и появились двухкамерные дома. Технология строительства отличалась простотой, дом сооружался без фундамента, каркас строения составляли колья, вкопанные в землю. На них укреплялся плетень, обмазанный с обеих сторон смесью глины с соломой. Четырехскатные или двухскатные крыши домов покрывались камышом или соломой. Имелись у адыгов и деревянные дома.

Интерьер адыгского жилища был скромным. Обязательным атрибутом его был очаг с отводной трубой (дымарем), обмазанной глиной. Набор мебели включал в себя низкие деревянные диваны, покрытые циновками

с подушками, скамейки, табуретки, маленькие столики с тремя ножками. Кухонная утварь хранилась в открытых настенных шкафах.

Традиционная одежда адыгов отличалась красотой и практичностью, поэтому элементы адыгского костюма были заимствованы другими кавказскими народами, а позднее и казаками. В XVII–XVIII вв. повседневный мужской костюм состоял из каракулевой папахи или войлочной шляпы, бешмета, черкески, бараньей шубы, бурки, обуви, рубахи, штанов.

Черкеска (однобортный кафтан, шившийся из сукна, без ворота, в талию, со сборками) была обычно немного ниже колен. На груди (слева и справа) располагались газыри - карманы, в которых хранились патроны. Бурка выделялась из овчин шерстью наружу и из войлока. Черкески и бурки были обычно черного цвета. Обувью адыгам служили чувяки, сапоги и поршни. Неотъемлемой частью мужского костюма было холодное оружие: сабли и кинжалы. В XVI в. в обиходе появляется огнестрельное оружие.

Женский костюм включал такие элементы, как верхнее платье, корсет, кафтанчик, шаровары, головной убор, обувь. Девушка почти не снимала корсет до замужества, поэтому у адыгеек были тонкие талии. Платье по своему покрою напоминало черкеску и шилось из бархата, шелка, парчи, ситца, шерсти, сатина. Украшением платья было золотое и золотое шитье. Женские пояса изготовлялись из металла, покрывались позолотой с чернью или серебрились. Женские шапочки украшались серебром и галунами.

Большое развитие у адыгов получили различные виды декоративно-прикладного искусства. По всему Кавказу и за его пределами высоко ценилось холодное оружие адыгских мастеров, декорированное самобытным орнаментом. Славой пользовались также изделия ювелиров, гончаров и ковроделов Черкесии.

Высокий эстетический уровень, отличавший предметы материальной культуры и произведения декоративно-прикладного искусства адыгов, позволил им стать **своего** рода законодателями моды на всем Северном Кавказе.

Общественный быт адыгов во многом определялся семейно-общинным устройством. Семейная община («большое гнездо», «густая семья») включала до 100 человек, принадлежащих к одному роду. В рамках такой общины существовало коллективное производство и потребление. Возглавлял коллектив родственников глава семьи, после его смерти бразды правления переходили к старшему сыну.

Наряду с большесемейной общиной у адыгов имела место и малая (индивидуальная) семья, состоявшая из родителей и детей и насчитывавшая от пяти до восьми членов.

Брак у адыгов был экзогамным, то есть жениться мужчина мог лишь на девушке, принадлежащей к другому роду. Брачный союз обычно заключался между равными по статусу и социальному происхождению людьми. Несмотря на то, что нормы ислама допускают многоженство, у адыгов господствовала моногамия (единобрачие). В семейном быту был распространен обычай избегания: жене не разрешалось общаться с мужчинами – родственниками мужа, супруги не называли по имени друг друга и своих детей. Мужу не разрешалось при посторонних проявлять свои отцовские чувства по отношению к детям. Распространенной формой брака был брак по сговору, когда вопрос о создании молодой семьи решался родителями будущих жениха и невесты. Для брачно-семейного обряда адыгов был характерен обычай умыкания невесты; семья жениха платила ее родственникам калым (выкуп).

У народов Черкесии существовал неписанный кодекс, свод правил, регламентировавших отношения между людьми в быту («адыгэ хабзэ»). В рамках системы традиционных норм незыблемым считалось соблюдение обычаев гостеприимства. Гостю во время его нахождения в доме предоставлялось все самое лучшее, он находился под полной защитой рода хозяина. Широкое распространение получил также обычай аталычества, заключавшийся в передаче детей на воспитание в другие семьи, что впоследствии прочно связывало между собой роды воспитателя (аталыка) и воспитанника.

В комплекс традиционных адыгских обычаев входило также куначество. Становясь кунаками, два представителя разных родов заключали прочный дружеский союз, каждый из них был обязан (порой в ущерб себе) оказывать другому всяческую помощь и содействие. Гостеприимство и куначество способствовали возникновению и развитию на протяжении столетий культурных контактов между различными кавказскими народами.

Одним из важнейших элементов традиционной культуры адыгов был обычай взаимопомощи (шыхъаф), зародившийся в далеком прошлом. К взаимопомощи прибегали в затруднительных случаях, связанных со строительством нового дома, с уборкой урожая (необходимость в регламентированное время успеть освободить поле) и выполнением других трудоемких работ. Обычай имел и нравственную окраску: люди сознательно стремились к выполнению доброго дела, оказывали срочную безвозмездную помощь сородичу, соседу.

Самым ярким проявлением духовной культуры адыгов стал нартский эпос, повествующий о подвигах народных героев, совершенных в борьбе за счастье людей. Помимо эпических сказаний распространены были сказки, предания, легенды. Развитие получили также народная музыка, песни и танцы.

Как уже отмечалось, религия адыгов в период раннего Средневековья представляла собой синтез язычества и христианства. Мусульманство проникло в Черкесию из Золотой Орды в XVI в. и впоследствии получило повсеместное распространение на Северо-Западном Кавказе.

С заселением равнинной зоны существенно изменился характер адыгских поселений. Планировка домов в адыгских аулах стала более упорядоченной, проявилась тенденция к постройке поселений уличного типа. Сравнительно прямые улицы были проложены в тех селениях, через которые проходили почтовые тракты. В конце XIX - начале XX в. отдельные улицы в некоторых крупных аулах стали покрывать гравием. В центре аула строятся общественные здания и лавки, исчезают плетни и рвы, окружавшие селения в годы Кавказской войны. Обычным явлением становится наличие в аулах мельниц, заводиков и кустарных предприятий. Все это коренным образом меняло внешний облик адыгских селений, которые быстро теряли черты прежней замкнутости. Изменился тип адыгской усадьбы: резко сократилась площадь, занимаемая главным двором и хозяйственными постройками, большая часть территории усадьбы стала отводиться под сады, огороды, кукурузные делянки. Жилище по-прежнему строилось в глубине двора, но некоторые адыги стали возводить дома ближе к линии улицы.

Российские власти всячески содействовали распространению у адыгов саманных хат, надеясь, что это устранил «наклонность к частым переменам места жительства при малейших к тому поводах». В отчете по военно-народным управлениям Кубанской области за 1863 - 1869 гг. говорилось, что «удалось довести массу горского населения до сознания неудобств их жизни, имевших (за исключением Карачая) временный характер. Плетневые стены саклей, без стекол в окнах, при дурно пригнанных дверях, с обширными плетневыми же трубами очагов, нисколько не предохраняют живущих в них от холода и сырости, что при постоянных токах воздуха и дыма из каминов порождало упорно глазные и простудные болезни, особенно опасные для детей». Влияние русской домостроительной культуры способствовало появлению в адыгских жилищах потолка, застекленных окон, одностворчатых дверей из распиленных и обструганных досок, державшихся на петлях. В домостроительстве начали применять фундамент. Появляется новый тип дома - «унэ зэхэт» (дом, состоящий из нескольких комнат), или «урыс ун» («русский дом»). У причерноморских шапсугов возводились преимущественно деревянные дома. Зажиточные аульчане строили дома из кирпича, с четырехскатной крышей, крытой листовым железом. Черкесские очаги, которые требовали большого количества дров и были пожароопасными, начали заменять русскими кирпичными печами. Адыги удачно приспособили жилища нового типа к таким условиям своей жизни, как обычай избегания и изоляции женщин. Для этого в квадратном доме был введен сквозной коридор «хьаят», разделявший жилище на две половины.

Увеличение объема ввозимых из России тканей, вызванное ростом в стране текстильной промышленности и освоением новых рынков, в конце XIX в. расширило возможности их приобретения горцами, но не произвело переворота в их costume. Отпали лишь феодальные привилегии на отдельные цвета и формы одежды. Социальные изменения, вызванные освобождением рабов и крепостных, нашли прежде всего отражение в женской одежде. Трудоемкая и очень дорогая вышивка золотом и серебром стала вытесняться более простой и быстрой гладью. Использовались фабричные элементы отделки: тесьма, ленты и кружева. На черкешенках из зажиточных семей можно было увидеть часы-медальоны на цепочке, городские ботинки, а в руках - ридикюли. Адыгские модницы приобретали ввозимые из России шелковые и шерстяные шали, пледы, платки, газовые, шифоновые и кружевные (ручного плетения, вологодской работы) шарфы. Мужские черкески все чаще шились из тонкого фабричного сукна. Из фабричного же сукна были праздничные, украшенные вышивкой и галунами башлыки. В конце XIX в. в быт адыгов стали входить пальто и русские сапоги.

Одной из наиболее устойчивых сфер материальной культуры адыгов оставалась кухня, но в новых условиях меняется характер адыгской пищи. Традиционная круто сваренная просяная каша постепенно вытесняется пшеничным хлебом русской выпечки. В рацион питания с конца XIX в. входит подсолнечное масло. Адыги чаще стали употреблять картофель, капусту, свеклу, расширилось потребление кондитерских изделий, чая и сахара.

Серьезные изменения произошли в декоративно-прикладном искусстве, и вызваны они были упадком многих традиционных кустарных промыслов. Во второй половине XIX - начале XX в. пришли в упадок ткачество, бурочное, седельное производства, кожевенный и керамический промыслы, обработка дерева, оружейное дело, которые не выдерживали конкуренции с промышленностью. Почти угасают знаменитые адыгские ювелирный и золотошвейный промыслы. В то же время на высоком уровне оставалось искусство отделки циновок. Эти изделия по-прежнему украшались богатым орнаментом.

Ведущую роль в духовной культуре адыгов, как и прежде, играло устное народное творчество. Активную жизнь продолжали нартские сказания. Главные их герои - Сосруко (Соусырыко), Сатаней, Адиух - оставались для адыгов образцами мужества, смелости, любви к Родине, примером честности и благородства, верности в дружбе. «Я одним словом своим, - говорил один из нартских сказителей-джегуако, - делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник, я противник всего бесчестного, нехорошего». В это время славились такие исполнители нартского эпоса, как Кульчуко Сижев, Бекмурза Палев, Теучеж Цуг, Саид Мижа-ев и другие.

Бытуют в пореформенную эпоху фольклорные произведения, появление которых было вызвано социальным неравенством. Новой важной темой народного творчества становятся события, связанные с освобождением горских крестьян от крепостной зависимости. Продолжали бытовать исторические песни «Битва в ущелье», «Битва при Бзюко», часть песен была посвящена трагическому переселению в Турцию. В

ноябре 1865 г. в «Кубанских областных ведомостях» был опубликован текст адыгской песни о Сефер-бее, записанной от сказителя Нагоя Хаджемуква, в которой народ осуждал протурецкую ориентацию вождя горцев. Дальнейшее развитие получила лирическая песенная традиция, и прежде всего в молодежной среде. Героями народной прозы все чаще стали выступать искатели правды и счастья. Все сильнее звучит тема дружбы с русским народом. Органически вплетались в фольклор адыгов пословицы и поговорки, которые рождались фантазией, умом и талантом народа.